ПАМЯТИ О. Н. БАСОВА

Из воспоминаний
об актере

В СОВМЕСТНОЙ работе с О. Н. Басовым, в личном общении, в строительстве студии Е. В. Вахтангова закалялась и укреплялась наша дружба.

Основным свойством О. Н. Басова в то время был юмор—великолепный изобретательный юмор, постоянный, неистощимый, разнообразных красок и оттенков. И тогда же, наряду с юмором, которым он блестяще украшал жизнь, в нем начали проявляться черты необычайной раздвоенности, внутренних противоречий, подчас резкой нетерпимости, нервного возбуждения, болезненного недовольства собой и мрачного уныния. Он был болен какой-то застарелой болезнью, которую считал болезнью желудка. Эта болезнь мучила его, он тщетно боролся с ней.

— Понять надо,—иногда говорил он в ответ на упреки.—Вы понятия о многом не имеете

И нехотя, болезненно вспоминал само, что было самым страшным в его жизни: империалистическую войну, на которой он пробыл несколько лет, контузию и плен.

— Рассказать словами этого нельзя,—говорил он.

Видя и сознавая резкие противоречия своей натуры, он часто не имел сил бороться с собой и горько жаловался на себя, и жизнь казалась ему безвыходной. Ночью, когда все уже спало, он тихо стучался ко мне, входил в комнату, извинялся:

— Прости, что так поздно. Ты еще не спал? Разреши у тебя посидеть несколько минут. Мне не спится.

Он закуривал папиросу и вдруг спрашивал у меня:

— Скажи, ну что бы ты стал делать, если б тебе казалось, что ты совершенно лишний, бездарный, никому ненужный и ничтожный человек?

Я начинал утешать его, пытался отвлечь, но он перебивал меня:

— Нет, нет, ты мне ответ на вопрос, что делать? Я сам на него ответить не могу.

Я говорил ему о его актерской работе, о его быстром росте, о строительстве театра, о необычайном времени, в которое мы живем, и мало-помалу он отходил, оживлялся, увлекался, и часто мы разговаривали до рассвета.

Он быстро рос как актер. Одну за другой блестяще сыграл он две роли:

Гюстава в «Чуде святого Антония» Метерлинка и генерала в «Свадьбе» Чехова. Эти роли, сыгранные одновременно, были совершенно различны по своему характеру. Выше всего неясно чувство правды и обладая им в необычайной степени, он сумел эти два образа наделить яркими художественными и социальными чертами. В Гюставе он раскрывал тему лицемерия и стяжания. Это был маленький, короткий, толстенький человек, французик, визгливый, лживый, патетичный. Напыщенно и возбужденно, искоса потягивая вокруг и проверяя, какое впечатление производит его красноречие на других, он говорил овятому Антонию после воскрешения своей умершей тетушки:

— Наконец, что же вы желали бы иметь?... Должны же у вас быть какие-нибудь желания... Я не понимаю. Вы только скажите, потому что все принадлежит вам в этом доме, который вы наполнили радостью... Все ваше..

И в ответ на недоуменный жест своего родственника, господина Ашилла, он делал паузу и добавлял с легкой извиняющейся интонацией:

— Ну, по крайней мере, все, что можно достойным образом вам отдать...
Генерал в «Свадьбе»—образ, противоположный Гюставу. Здесь Басов раскрывал тему одиночества и унижения. Маленький, слабенький, сухонький старичок генерал попал на провинциальную свадьбу и, увлечшись воспоминаниями о своей службе, расстроил весь праздник. Поняв свое ложное положение на этой свадьбе и ужаснувшись ему он срывающимся голосом, со слезами и болью, кричал:

— Человек! Вывели меня отсюда Человек!

Не получая ответа, среди всеобщего молчания, он еще раз срывающимся голосом кричал:

— Че-ло-век!..

И рыдая, бормоча: «какая низость», «какая гадость», шатаясь, цепляясь за мебель, сторбившись, раздавленный, уходил из комнаты.

Потом роли шли одна за другой: Алтоум в «Турандот» Подколесин в «Женитбе» Ветриноский в «Синичкине» старик в «Виринее» Лидовник XIII в «Маржон де Лорм». Мируэт в «Партии честных людей», кирасирский полковник в «На крови» (роль,

которую он очень любил) и Миллер в «Коварстве и любви».

Роль Миллера была одной из лучших ролей О. Н. Басова. Он много работал над ней, как всегда, мучительно, постоянно недовольный собой, не умея процесс работы сделать для себя и для других приятным. Ему казалось, что у него ничего не выходит, он нервничал, срывался на репетициях, жаловался мне, что роль не идет, что ничего не выйдет.

А между тем роль шла, и от репетиции к репетиции рос и создавался пленительный образ страдающего, униженного человека, образ, полный глубокого тоски и горячей любви.

После Миллера он сыграл еще четыре роли: шериф в «Сенсации» (он не любил эту роль, и она не очень удалась ему), Достигаев в «Булычеве», Достигаев в «Достигаеве» и последняя роль — Разольдер в «Дороге цветов».

Ролью Достигаева в «Булычеве» он был увлечен, несмотря на ее эпизодический характер и очень был увлечен всей пьесой в целом.

В письме из Абрамцева, где он отлучался в июле 1932 г., он писал мне:

«Дорогой Лев Петрович, получил твою открытку.—спасибо за память. Здесь прекрасно. Мне понравилась мысль, высказанная Михаилом Павловичем Аркадьевым, который здесь жил, что намерение устроить здесь дом отдыха было продиктовано мыслью «дать актерам и художникам творческую зарядку». Действительно, окружающая нас обстановка, книги, вещи, даже портреты воспитывают. Определяют не только сознание, но и вкус. Окружение из работ Ретина, Васнецова, Поленова, Нестерова, Врубеля и др. непрерывно зовут, организуют, умудряют и будоражат мысль и чувство. Думаю, что отдохну здесь и успокоюсь, а от этого загораюсь и желанием работать. Какое счастье, что мы работаем над Горьким, каждый раз, когда я об этом вспоминаю я чувствую, что может быть, первый раз выступаю на поприще общественного служения. Мне бы хотелось, чтобы так думали все участники спектакля».

Роль Достигаева в «Достигаеве» была вершиной творчества О. Н. Басова. Это было зрелое, глубоко осмысленное мастерство, образ исчерпывающей социальной четкости и вместе с тем художественно правдивый

законченный, убедительный и понятный до конца. Маленький, боязливый человек, умный, хитрый, хищный приспособляющийся, увертливый, аточный, все время себе на уме, комбинатор, стратег и дипломат, дальновидный классовый враг, расчетливо взвешивающий факты, предвидящий события, верно со своей точки зрения оценивающий настоящее и будущее.

— Рыба ищет где глубже, селедка, где солоней,—мягко изрекал он в разговоре с Тятиным и под варьв хохота публики неспеша уходил, мягко ступая, вглубь булычевского дома.

Третий последний акт «Достигаева» он играл виртуозно, с блеском, как всегда, верный своему основному чувству, потрясающему чувству правды.

Своеобразно и кое в чем спорно, но искренно и страстно он излагал свою точку зрения на театральное искусство в письме к одному из своих друзей в театре Вахтангова (от 4 мая 1933 года):

«...я хочу сказать, что вкус театрального деятеля определяется выскательностью, строгостью к себе и другим. Мы остались без руководителя, мы учимся на ходу, всюду, где это возможно, но больше всего нам приходится учиться друг у друга... Правда—вот без чего я не приму ни одного спектакля, вот без чего для меня не ценно никакое исполнение. Есть одно искусство нужное,—то, которое проникнуто правдой. Все остальное от лукавого. И еще: правда—одна. Тот, кто говорит о другой второй правде,—врет. А вот правда в чем? Прежде всего в честности, в искренности художника. У каждого человека к зрелости его должно появиться сredo, если хочешь, мировоззрение, и когда в нем наступает устойчивость.—это и будет правдой».

В октября 1934 г., за два дня до его смерти, я встретил его в коридоре за кулисами.

Он говорил долго, говорил о театре, о себе, о наших актерах и режиссерах, о коллективе.

Мне не хотелось кончать разговора, но его звали к фотографу он затропился. Мы простились. Я пошел домой.

Полодя к нашему дому, я остановился во дворе где было несколько актеров театра. Смотрю, во двор медленно входят О. Н. Басов и В. Е. За-

хава. Они о чем-то тихо разговаривали. Я пошел в свою квартиру и на площадке первого марша лестницы остановился и выглянул в раскрытое окно. О. Н. Басов стоял, чуть сторбившись, держа руки в карманах и, слегка покачивая головой, что-то говорил В. Е. Захаве. Я посмотрел на его спину, на похудевший затылок, и мне стало жаль его до боли в сердце.

Я видел его последний раз в жизни.

10 октября утром я вернулся в Москву. Перепуганный и бледный дворник, встретив меня во дворе, сообщил мне, что Басову плохо. Я побежал к нему.

Он лежал в полутемной комнате на спине, закинув голову, покрытый одной простыней. Ночью у него было кровоизлияние в мозг. Я стоял над ним несколько минут и понял, что он умирает. Я побежал в театр стоворится насчет докторов, зашел к В. Е. Захаве, вдруг входит К. Я. Миронов и тихо говорит:

— Осип Николаевич... умер...

Вспоминая эту богатую жизнь, вспоминая выскательного художника с большим талантом и сердцем, Осипа Николаевича Басова, его блестящий актерский путь, его мучения, борьбу с самим собой, его требовательное, чистое и безупречное отношение к искусству, я каждый раз с новой болью испытываю тяжесть громадной и незаменимой утраты.

После его смерти, разбирая его бумаги, я прочел его дневники и записные книжки, краткие отрывочные записи, которые, я вспомнил, он начал делать по моему настойчивому совету. В этих тетрадях я нашел выписки из одной моей пгики—сборника мыслей различных философов: он часто брал у меня эту книгу и подолгу у себя держал.

Я вспомнил в связи с этим, что он много раз говорил мне, что больше всего на свете он ценит живое человеческое сердце, что это тот источник, из которого исходит на земле все прекрасное.

И точно в подтверждение этого я нашел в одной из его тетрадей мысль Паскаля, выписанную из этой книги: «Сердце имеет доводы, которых не знает разум».

Л. РУСЛАНОВ